

В Нижегородский районный суд
г. Нижнего Новгорода
федеральному судье Кислиденко Е.Н.

от защитника обвиняемого
Сорокина Олега Валентиновича –
адвоката адвокатского кабинета

Артемьева Д.В.

**Письменные формулировки решений по вопросам,
указанным в п.п. 1 – 6 ч.1 ст. 299 УПК РФ**

Я не считаю, что сегодняшнее действие является судебными прениями в том значении, которое в это слово вкладывал законодатель. Поэтому и выступление у меня будет носить скорее около правовой характер.

Горечь и стыд – вот с какими чувствами я подхожу к окончанию судебного процесса. Горечь за то, что не смотря на призывы Президента РФ о необходимости гуманизации судебной системы и недопустимости формального подхода к уголовному судопроизводству, «на местах» поговорка «был бы человек, а статья найдётся», продолжает быть более чем актуальной.

А стыд за то, что я практически ежедневно находясь последние месяцы в здании Нижегородского районного суда, не то что не помог своему Доверителю, но по сути даже не имел такой возможности. Вообще весь судебный процесс вызвал у меня ассоциации с поездкой на муляже автомобиля под горку – вроде бы всё выглядит, как настоящее, но на поверку все рычаги управления оказываются лишь видимостью.

Допускаю, что после выступления в мой адрес могут быть высказаны претензии в части того, что я неоднократно допускал выражения свидетельствующие о неуважении к судебной системе РФ вообще и суду, как органу власти в частности. Сразу хочу сказать, что претензии эти надуманные. Я глубоко уважаю право и судебную систему, более того я считаю, что эти институты являются наиболее значимыми этапами социальной эволюции человечества. В результате появления которых физическая сила и размер благосостояния перестали быть главными факторами при выяснении того, кто прав, а кто виноват.

Также я безмерно уважаю председательствующего, как представителя судебной власти РФ, прошедшего все

необходимые отборы, экзамены проверки и получившего право выносить решения от имени Российской Федерации.

Что же касается выполнения функции председательствующего в рамках отдельно взятого процесса, участником которого я являлся, моё мнение также очевидно и определённо. Оно заключается в том, что своими действиями в рамках настоящего процесса председательствующий мягко говоря дал усомниться в своей беспристрастности. Наверное я сейчас выразился не совсем точно – он дал усомниться в своей беспристрастности в самом начале нашего судебного процесса и с тех пор последовательно действовал в рамках избранной им парадигмы.

Сторона защиты неоднократно последовательно заявляла о дальнейшей правовой невозможности осуществления разбирательства по делу именно этим судебным составом. Первоначально наши заявления рассматривались, и отказывались, а затем и вовсе стали игнорироваться. Однако факт того, что суд не нашёл оснований для собственного отвода, не означает, что защита в целом и лично я должны отказаться от своей позиции, которая заключается в том, что председательствующий по делу своими действиями дал основание усомниться в своей объективности и в наличии у него заинтересованности по делу.

Главной функцией суда является на мой взгляд обеспечение состязательности и равноправия в процессе. К сожалению вынужден констатировать, что в рамках данного судебного процесса председательствующий исполнял иную, не свойственную суду функцию.

Суд неоднократно декларировал, что все его решения относительно организации графика судебного процесса якобы были обусловлены заботой о правах потерпевшего Новосёлова. Не могу не упомянуть, что с претензиями этого так называемого потерпевшего государство в лице того же самого суда и прокуратуры не могло разобраться около 15 лет. Более того подобное бездействие привело к тому, что ЕСПЧ по данному факту было вынесено унижительное для РФ судебное решение и государство было вынуждено платить деньги из бюджета исключительно из-за головотяпства своих отдельных органов власти или отдельных представителей этой власти.

В рамках данного судебного процесса права Новосёлова как бы ставились во главу угла, ещё одним приоритетом суда как бы являлись права подсудимых, которые содержатся под стражей и суд очень ревностно

высказывался на тему того, что не может позволить подсудимым лишний день провести в следственном изоляторе. Являлась ли данная мотивация искренней или же имелись

другие менее явные причины, мне не известно, но именно этим суд объяснял свои действия по организации судебного процесса. Организации, которую лично я воспринимал, как **бег с юридическими препятствиями.**

Весь ход судебного процесса позволяет мне утверждать, что суд действовал в процессуальной связке с государственным обвинением и главной целью этих действий было саботировать работу стороны защиты. Действительно по ходу процесса мы столкнулись с вопиющим согласованным противодействием. Каждое наше действие подвергалось публичному осуждению со стороны суда.

Заявляешь ходатайства – ты плохой, потому что затягиваешь процесс;

Заявляешь возражения против незаконных действий председательствующего – злоупотребляешь своим правом!

Задаёшь неудобные вопросы свидетелю – ты плохой, а вопросы твои провокационные.

Даёшь подробные показания – снова ты плохой, поскольку делаешь это или долго или медленно. Пытаешься сослаться на доказательства из другого дела, которые подтверждают твою позицию – ты злоупотребляешь правом и как следствие лишён права давать показания.

Данная парадигма в настоящем судебном процессе имела с самого первого дня. При этом уровень противодействия нарастал от заседания к заседанию. На новый уровень он вышел 19.02.2019г., когда сторона защиты по выражению суда, в силу явного затягивания времени, была ограничена в сроках предоставления доказательств.

Я данное решение воспринимаю немного по другому. На момент его вынесения защита Сорокина даже не преступила к предоставлению собственных доказательств и ждала своей очереди в соответствии с графиком установленным судом. Очевидно, что нельзя ждать своей очереди, чтобы реализовать своё право и одновременно этим правом злоупотреблять. Поэтому нет и не было никакого решения об ограничении, как процессуального способа бороться с недобросовестными участниками процесса, было завуалированное не основанное на законе решение о лишении Защиты Сорокина О.В. права предоставлять доказательства.

Защите не дали допросить свидетелей и экспертов – при этом их список заявлялся ещё со стадии предварительного расследования. Защите не дали изучить письменные

материалы и вещественные доказательства. При этом защита даже не требовала от суда выполнение каких-либо активных действий, явку большинства свидетелей защита была готова обеспечить самостоятельно. А свидетели Ануфриева, Шарова, Широков, Полянский, Чулкова и Мусихина уже были в здании суда. Тоже самое касается и письменных материалов и вещественных доказательств: все они уже находились в недрах уголовного дела, единственное, что требовалось от суда – это извлечь их оттуда на свет.

Казалось бы задача несложная, но по факту она оказалась невыполнимой. Сторона обвинения неоднократно высказывала тезис замечательный в своей искренней простоте: «эти доказательства собрала сторона обвинения в лице органов следствия, но они не подтверждают позицию обвинения, поэтому мы возражаем против их исследования». Самое печальное, что завуалировано и суд объяснял свои действия примерно таким же образом: «есть предъявленное обвинение – и это предмет доказывания, а есть «версии защиты» и это не предмет доказывания». Исходя из вышеуказанной логике львиная часть материалов уголовного дела оказалась в ходе судебного следствия не исследована, поскольку позицию обвинения эти материалы не подтверждают, а позиция защиты в этом суде была мало кому интересна. На этом судебное следствие и закончилось.

Процесс перехода к судебным прениям я рассматриваю, как логичное продолжение действий суда по саботажу работы защиты Сорокина О.В. Материалы, являющиеся основой данного дела собирались годами. Ещё целый год шло предварительное расследование непосредственно по этому делу. Далее начался суд, в течение двух месяцев мы собирались через день в Нижегородском районном суде, а последний месяц судебные заседания шли каждый день, начинались в 9:00 и очень редко заканчивались до 19:00.

Вопрос: исходя из целей настоящего судопроизводства, обозначенных председательствующим в процессе, сложности уголовного дела и интенсивности судебного разбирательства, на какое время подготовки к прениям может рассчитывать сторона защиты? Правильный ответ – 12 часов!!! И этот ответ с точки зрения логики этого судебного процесса действительно является правильным!

Время которое было предоставлено защите на подготовку к этой важнейшей стадии, а также объективная невозможность встретиться до прений с Доверителем, дать ему консультацию и напротив выслушать его пожелания

относительно акцентов его защиты, являются закономерным следствием прошедшего судебного процесса, главной целью которого являлось не дать стороне защиты представить в материалы дела слишком много своих доказательств.

Судом при рассмотрении уголовного дела грубо были нарушены основополагающие принципы уголовного судопроизводства. Предоставленное защите время на подготовку к прениям, является смехотворно малым, очевидно неразумным и объективно не достаточным. Возможность получить перед прениями консультацию в условиях конфиденциальности у Сорокина О.В. отсутствовала в принципе.

Совокупность данных обстоятельств указывает на объективную невозможность стороны защиты хоть как-то подготовиться к этой важнейшей стадии. Именно по этому своё выступление, я не рассматриваю, как выступление в прениях, в том смысле, который в них вкладывает глава 38 УПК РФ. Судебные прения возможны лишь при условии того, что проведённое до них судебное следствие хотя бы примерно отвечает требованиям равноправия и состязательности. Если же судебное следствие проведено, исходя из диаметрально противоположных принципов, то и следующая за ним стадия является не прениями, а чем-то иным, например промежуточной стадией судебного процесса перед вынесением обвинительного приговора.

Провести полный всесторонний анализ исследованных доказательств в тех условиях, в которые защиту поставил суд объективно возможным не представляется. Поэтому я ограничусь весьма кратким анализом, который безусловно не является достаточным, чтобы называться эффективной юридической помощью.

Имеются ряд обстоятельств в принципе препятствующих вынесению судом в таком составе какого-либо итогового решения:

1. Имеются основания для отвода председательствующего, в соответствии с положениями ч.2 ст. 61 УПК РФ указывающие на его заинтересованность в неблагоприятном для подсудимых исходе дела. Защита неоднократно выступала с соответствующими заявлениями, в которых подробно приводила аргументы своей позиции, в том числе, указывая на согласованность действий стороны обвинения и суда, в результате которой, баланс сил на правом поле оказался безнадёжно нарушен, очевидно не в пользу защиты.

2. Имеются основания для возврата уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ: а именно в предъявленном подсудимым обвинении в качестве места преступления описано не существующее в природе место. Стороной защиты на этапе предварительного судебного слушания заявлялось на этом основании ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору в порядке п.1. ч.1 ст. 237 УПК РФ. Судом по нему было принято решение об отказе в удовлетворении, без какой-либо внятной формулировки.

Вернуться к данному вопросу в ходе судебного следствия стороне защиты уже не дали. Первоначально суд отказался его рассматривать, мотивируя своё решение некой несвоевременностью данного ходатайства, а 27.02.2019г. уже категорично заявил, что ранее данное ходатайство было уже неоднократно им рассмотрено.

3. В материалах уголовного дела имеются сведения и материалы отнесённые к государственной тайне, в связи с чем данное уголовное дело подлежит передачи в Нижегородский областной суд.

Защитой подобное ходатайство ранее заявлялось. Вывод суда об обратном основан на некорректных и недостоверных документах.

Эпизод преступления, предусмотренный ч.6 ст. 290 УК

РФ:

Начать я хочу с перечисления действий суда, не укладывающихся в принципы состязательности, равноправия и обязанности обеспечить право на защиту:

1. Судом полностью проигнорирован факт наличия иного вступившего в законную силу приговора – Мещанского районного суда г. Москвы от 09.10.2014г. в отношении Садекова М.С. по преступлению, предусмотренному ч.1 ст. 204 УК РФ, который объективно устанавливает обстоятельства, делающие невозможным привлечение Сорокина О.В. к уголовной ответственности.
2. Судом не приняты во внимание очевидные вопросы, касающиеся конституционности применения к Сорокину О.В. положений ст. 90 УПК РФ в том виде, в котором их толкует сторона обвинения. А именно применение к отношениям, возникшим на основании судебного решения от 09.10.2014г. **Федерального закона от 29 июня 2015 года №**

191-ФЗ «О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в результате которого положение Сорокина О.В. очевидно ухудшается. На мой взгляд обратная сила закона, ухудшающего положение гражданина в его взаимодействии с государством, однозначный повод задать вопрос Конституционному суду о соответствии такого закона Основному закону РФ. Соответствующее ходатайство было заявлено, однако и в данном случае защита услышана не была. Более того, по надуманным основаниям суд отказался приобщать к материалам дела и давать оценку двум заключениям видных специалистов в области конституционного права Никифорова и Варлен.

3. Судом не приняты во внимание очевидные факты, указывающие на то, что ЗАО «Вектрон» никогда не вело и что более важно даже никогда не собиралось вести законную коммерческую деятельность. Все действия по обжалованию двух земельных аукционов, проведённых как администрацией Н. Новгорода, так и администрацией Нижегородской области, были направлены не на пресечение нарушений, препятствующих нормальной экономической деятельности, а преследовали цель искусственно затормозить реализацию принятых властными органами решений.

Всё это явилось этапом заранее запланированной и согласованной провокации со стороны правоохранительных органов, в частности, со стороны так называемой «Группировки генерала Сугрובה», которая изначально контролировала все действия так называемых предпринимателей Хана Е.А. и Беспалова А.М.

Более того суд категорически отказался предпринимать какие-либо действия, направленные на исследование этих обстоятельств. Соответствующие вопросы свидетелю Хану Е.А. были отведены. Дополнительные документы на эту тему не исследовались.

Факт того, что Хан Е.А. ранее являлся не просто свидетелем, а заявителем, то есть фактически инициатором по аналогичному делу № 372213, по которому в отношении обвиняемого Козлова был вынесен оправдательный приговор, судом был в полном объёме проигнорирован. Материалы указанного дела в копиях, которые защита предоставила в суд, суд исследовать отказался.

Также суд отказался исследовать вещественные доказательства по настоящему уголовному делу, которые содержали информацию, в соответствии с которой Беспалов А.М. имел внепроцессуальные контакты с лицами, осуществляющими оперативно-розыскные мероприятия в отношении Садекова М.С., ещё осенью 2012 года, то есть за полгода до того, как господин Беспалов А.М. якобы обратился с заявлением в правоохранительные органы.

4. Как я уже указывал выше, суд по надуманным основаниям отказал стороне защиты в допросе свидетелей и экспертов, общее количество которых составляло порядка 50 человек. На части указанных лиц я бы хотел остановиться подробнее:

- **Долинин**, являющийся на момент вменяемых Сорокину событий директором ООО Инградстрой. Данный свидетель, как минимум, мог пояснить была ли на момент 2012 – 2013 годов какая либо связь между фирмой Инградстрой, единоличным хозяином, которой он являлся и обвиняемым Сорокиным. Мог пояснить обстоятельства получения займа от ООО УК Столица Нижний, мог пояснить обстоятельства участия его фирме в аукционе и обстоятельства подготовки предложений по планировке. Однако вместо допроса и анализа данных показаний в прениях мы вынуждены выслушивать домыслы и предположения стороны обвинения относительно его мотивации и деятельности ООО Инградстрой.
- **Широков И.В.** – директор ООО «Студия Т+Т» (явка его была обеспечена в суд) – человек, который как раз и занимался изготовлением предложений по планировке для аукциона и который мог бы пояснить, какие о документы использовал и нужна ли ему была для этого документация по планировке территории, утверждённой распоряжением правительства Нижегородской области №2034-р от 22.09.2012г. Однако вместо этого мы опять-таки были вынуждены слушать рассуждения стороны обвинения о том, что подготовленная Широковым документация получена путём копирования каких-то иных документов.
- **Ануфриева, Шарова, Шаронов** (явка обеспечена) – юристы, участвующие во всех судебных процессах, проводимых по факту указанного аукциона, в

качестве представителей ООО Инградстрой. Могли бы дать пояснения относительно того имелись ли у ЗАО Вектрон на момент 2013 года какие-либо жалобы в ФАС, которые он мог бы отозвать, имелись ли иски, от которых ЗАО Вектрон отказывался в суде и причинах таких действий. То есть обстоятельства, напрямую перечислены в предъявленном обвинении. Также они могли бы пояснить о роли Садекова М.С. в ходе этих судов.

- **Кондаков** – директор ООО УК Столица Нижний, который мог бы пояснить обстоятельства выдачи займа ООО Инградстрой. Однако вместо того, чтобы узнать всё из первых уст, мы опять таки вынуждены выслушивать личную интерпритацию прокурора произошедших событий.

Причина, по которой суд отказался допрашивать данных свидетелей на мой взгляд очевидна – их показания не соотносятся с предъявленным обвинением и затруднили бы вынесение обвинительного приговора по делу.

5. Обвиняемому Сорокину О.В. так и не были представлены вещественные доказательства. Мой подзащитный добивается этого права с лета 2018 года. Первоначально удар на себя принял следователь Лагунов Е.В., который неоднократно в ответах указывал, что именно он является самым главным человеком по уголовному делу, и он будет определять, когда и с чем кто будет знакомиться. За пять месяцев, а именно столько шла процедура ознакомления Сорокина с материалами уголовного дела, время знакомить обвиняемых с вещественными доказательствами по разумению следователя так и не наступило. Далее дело поступило в суд, ходатайство предъявить вещественные доказательства стороне защиты было заявлено одним из первых. Однако судом нам было разъяснено, что вещественные доказательства опечатаны и распечатать их для ознакомления за рамками процесса, возможность отсутствует. При этом судом неоднократно было указано, что все вещественные доказательства будут предъявлены защите на надлежащей стадии судебного следствия. Все стадии прошли, а доказательства так предъявлены и не были.

Суд утверждает, что по всем ходатайствам об изучении вещественных доказательств были приняты соответствующие отрицательные решения. А государственное обвинение

указывает, что вообще с этими вещественными доказательствами знакомиться не надо – они все осмотрены следователем, и всю необходимую информацию можно почерпнуть из протоколов осмотров.

Я же утверждаю, что ни одно из этих утверждений не соответствует действительности. Последнее ходатайство об изучении вещественных доказательств, заявленное защитой 21.02.2019г. суд на обсуждение сторон не выносил и в принципе отказался его рассматривать, сославшись на то, что процесс перешёл «в стадию допроса подсудимых». В части же хвалёных протоколов осмотров, составленных следователем, могу привести один пример:

протокол осмотра предметов оглашённый стороной обвинения т.32 л.д. 54 – 85.

Так пункт №1 указанного осмотра это DVD-R диск, в ходе осмотра следователь констатирует, что на нём имеется файл «backup2017_10_24_12_26_49», далее указывает, что тип файла «Архив ZIP-WinRar», после чего ссылаясь на отсутствие у него соответствующего программного обеспечения осмотр данного файла заканчивает. Информация к сведениям всех присутствующих: архивные файлы являются одним из наиболее распространённых способов хранения цифровой информации и найти соответствующее программное обеспечение, в том числе в свободном бесплатном доступе, дело пяти минут. Однако этих пяти минут у следователя не нашлось, в связи с чем все кто изучают уголовное дело, в том числе и подсудимые, вынуждены довольствоваться информацией о форме и цвете этого диска, а не о том, какую информацию он содержит.

Пункт №7 указанного осмотра жёсткий диск Seagate Barracuda 250 GB s/n W3TOERX2. Следователь очень подробно осматривает внешний вид этого жёсткого диска, однако содержание данного диска им не описывается вообще!

Интересно какие выводы защита или подсудимый могут сделать на основании данного осмотра? Интересно, как суд может на основании такого осмотра утверждать, что содержание вышеуказанных оптического диска и жёсткого внешнего диска являются не относимыми к материалам дела.

Подчёркиваю, данный протокол осмотра я привёл исключительно для примера – все прочие осмотры составлены примерно по такому же принципу: более менее подробно описано то, что по мнению следователя подтверждает его надуманную и заказную позицию о совершении Сорокиным преступлений, а остальные предметы либо осматриваются формально, либо во все не осматриваются на основании голословных выводов о том, что не содержат относимых сведений.

А теперь хотелось бы остановиться на ряде обстоятельств, установленных в ходе судебного разбирательства:

1. Отсутствие каких-либо доказательств того, что Сорокин О.В. имел какую-либо заинтересованность в деятельности ООО «Инградстрой». В ходе судебного следствия не было исследовано не одного доказательства, подтверждающего вышеуказанный тезис обвинения. Ссылка в предъявленном обвинении на то, что участие ООО «Инградстрой» в указанном аукционе осуществлялось, в том числе, за счёт займов, предоставленных ООО «УК «Столица Нижний», участником которого являлась супруга Сорокина О.В. – Нагорная Э.Л. является необоснованной и неотносимой. Во-первых, договорные отношения между данными юридическими лицами на момент вменяемых Сорокину О.В. действий были полностью закончены. Во-вторых, суд отказался допрашивать сотрудников ООО «УК «Столица Нижний» и ООО «Инградстрой» на предмет обстоятельств получения этих займов. В-третьих, помимо средств ООО УК Столица Нижний ООО Инградстрой также использовали денежные средства ООО Строймост, однако к сотрудникам данной

фирмы, равно как и к чиновникам администрации Нижегородской области, к которым данная фирма была афелирована почему то никаких претензий не было.

Кроме того из исследованных материалов следует, что это был рядовой для ООО «УК «Столица Нижний» займ, заключённые на общих, средних для рынка условиях.

Данное обстоятельство является важнейшим с точки зрения дальнейшей оценки взаимоотношений Сорокина и Садекова, поскольку установленное отсутствие у Сорокина О.В. заинтересованности в деятельности ООО «Инградстрой» делает бессмысленными с точки зрения логики и здравого смысла все последующие действия Сорокина О.В., которые он якобы совершил по мнению следствия.

2. Отсутствие доказательств наличия между Сорокиным О.В., Ханом Е.А. и Садековым М.С. каких-либо договорённостей, о которых утверждает сторона обвинения. Главными доказательствами обвинения в этой части являются показания Садекова, Хана и секретного свидетеля Шмелёва.

Однако ни одно из этих доказательств не является достоверным. В этой связи примечательно, что никого вышеназванных лиц сторона обвинения не рискнула допрашивать в обычном режиме судебного заседания.

Показания Садекова были оглашены, свидетель Хан был допрошен по «видеоконференции», а так называемый свидетель Шмелёв был допрошен в условиях секретности.

Свидетель Садеков М.С. в 2013г. уже пытался оговорить Сорокина О.В., однако в дальнейшем изменил свои показания и пояснил правду о том, что Сорокин О.В. не был осведомлён о его преступных действиях. Более того, даже его «обвинительные показания» от 2013г. не соответствуют версии обвинения, избранной в настоящее время.

Сам факт оглашения показаний Садекова М.С. в настоящем судебном заседании является незаконным, поскольку судом не были предприняты все возможные меры для вызова Садекова М.С. в суд, а Сорокин О.В. был лишён возможности на стадии предварительного следствия оспорить показания Садекова М.С. Ещё одним нарушением закона, полностью укладывающимся в основные тезисы первой части моего выступления, является выборочное оглашение показаний Садекова М.С. Судом были оглашены лишь «нужные» для обвинения показания.

При этом необходимо понимать, что к настоящему уголовному делу в полном объёме (в электронном виде) приобщены материалы уголовного дела по обвинению Садекова М.С. по ч.1 ст. 204 УК РФ. Данное уголовное дело содержит большое количество «неудобных для обвинения» показаний Садекова. Часть из них вообще прямо указывают на непричастность Сорокина к каким-либо преступлениям, а часть хоть и являются так сказать обвинительными, но изложенные в них обстоятельства не соответствуют нынешней квалификации действий Сорокина О.В. Так вот ни одни из этих показаний Садекова судом оглашены или исследованы не был.

Показания свидетеля Хана Е.А. очевидно являются лживыми и не последовательными. Относительно его длительной истории взаимоотношений с правоохранительными органами, в том числе с такой специфической её частью, как «группировка генерала Сугробова» я уже указывал выше. В настоящее время я же хочу обратить внимание суда на то, что показания этого достойного свидетеля обвинения противоречат исследованным в ходе судебного заседания документам касательно деятельности ЗАО Вектрон, показаниям Садекова М.С. и Беспалова А.М. И что более важно его показания противоречат содержанию единственного более менее объективного доказательства - фонограммы его разговора с Сорокиным О.В. от 12.03.2013г.

Показания «секретного» свидетеля Шмелёва, не взирая на всю серьёзность сложившейся ситуации, достаточно сложно оценивать серьёзно. Так случайно или в силу каких-либо иных причин в уста Шмелёва удалось вложить всю фабулу предъявленного Сорокину О.В. обвинения. Внятно объяснить источник своей осведомлённости данный свидетель не смог, назвав некую сферу своей деятельности, назвать которую он не может дабы себя не рассекретить, неких людей, назвать которых он не может, дабы себя не рассекретить, а также рассказы самого Сорокина О.В. То есть единственным источником осведомлённости, который хоть как-то соответствует требованиям закона, является рассказ самого Сорокина этому свидетелю. Однако очевидно, что подобный вариант лишён какой-либо логики и противоречит здравому смыслу.

Если же к этому добавить ещё крайнюю туманность оснований для засекречивания этого свидетеля, то положить данные показания в основу каких-либо выводов можно лишь обладая изрядным правовым оптимизмом.

Все остальные доказательства по данному эпизоду, в том числе и запись произошедшего 12.03.2013г. разговора Сорокина О.В. с Ханом Е.А., очевидно полученная в ходе несанкционированных оперативно-розыскных мероприятий, свидетельствуют о следующем:

- Сорокин О.В. не был заинтересован в деятельности ООО Инградстрой.
- Проведённый Правительством Нижегородской области аукцион имел непосредственное отношение к наполняемости городского бюджета.
- Две встречи Сорокина О.В с Ханом Е.А. происходили исключительно по инициативе Хана Е.А.
- Данные встречи носили официальный характер и носили характер встречи главы города с потенциальным – инвестором. Вопросы передачи от кого-либо денежных средств, а также какие-либо требования к ЗАО Вектрон на данной встрече не обсуждались.
- Отсутствие на момент весны 2013 года каких-либо жалоб ЗАО Вектрон в органы ФАС, которые бы ЗАО Вектрон могло бы отозвать.
- Наличие у Садекова М.С. собственного коммерческого интереса к земельному участку, судьба которого является предметом настоящего уголовного дела.
- Передача денежных средств от Садекова М.С. к представителям ЗАО Вектрон фактически не состоялась, и денежные средства из распоряжения Садекова М.С. не выбыли.
- Разговор Сорокина О.В. и Садекова М.С., состоявшийся 24.04.2013г. в части денежных средств имел совсем другой предмет и был связан с взаимоотношениями Сорокина, Садеков и Чегодаева.

Отдельно хотел бы обратить внимание на видеозапись встречи Сорокина О.В. и Садекова М.С., произошедшей 24.04.2013г.

Проведёнными по инициативе стороны защиты исследованиями специалистов, в том числе экспертов ООО «ЕСИН» было установлено, что данная запись даже теоретически не может быть первоисточником – то есть той записью, которая получена на записывающее устройство, при этом марка записывающего устройства не важна. Специалисты утверждают, что имеющаяся в деле запись была получена в ходе конвертации записи-первоисточника. При этом в ходе

данной процедуры объективно полностью уничтожается ряд признаков монтажа. Таким образом, звуковая дорожка данной видеозаписи могла быть значительным образом изменена, вплоть до её полной замены на другую, и следы бы данных действий на итоговой видеозаписи отсутствовали.

В пользу этой версии также свидетельствует заключение экспертизы №347Э от 22.01.18, в соответствии с которым сделать вывод о том, что голос на записи принадлежит Сорокину возможным не представляется.

Собственно и само содержание данных записей, а точнее бессмысленность и порезанность реплик Садекова М.С., свидетельствует о том, что звуковая дорожка была подвергнута изменениям. Сам Сорокин О.В. также пояснил, что содержание видеозаписи не соответствует содержанию его реальной встречи с Садековым М.С., в ходе которой тот при разговоре о денежных средствах прямо указал, что речь идёт о деньгах Чегодаева, поскольку никаких иных финансовых отношений у них не было. Данные фразы из записи были убраны.

Таким образом, даже тот «обвинительно-усечённый» объём исследованных доказательств свидетельствует об отсутствии в действиях Сорокина О.В. состава преступления.

При этом я вынужден повториться в результате противодействия суда к материалам дела не были приобщены, а также не были оглашены уже имеющиеся в деле доказательства, из которых дополнительно также следует:

- Отсутствие у Сорокина О.В. какой-либо заинтересованности в деятельности ООО Инградстрой.
- Факт участия ООО Инградстрой в земельном аукционе исключительно на общих основаниях, и отсутствие необходимости в каких-либо дополнительных документах для подготовки предложений по планировке.
- Факт того, что отзыв ЗАО Вектрон иска по арбитражному делу носил для этого общества вынужденный характер, в силу объективных причин, характер. Данный иск изначально был не жизнеспособным и ранее в этот же день по аналогичному иску ООО ЖБК-Строй было принято отрицательное решение, о чём представителям ЗАО Вектро было прекрасно известно.
- Факт того, что у так называемого коммерсанта Беспалова А.М., который лишь в 2013 году обратился с

заявлением в правоохранительные органы, уже на момент осени 2012 года имелись контакты с лицами из числа правоохранительных органов, проводившими в дальнейшем оперативную проверку.

Эпизод, предусмотренный ст.ст. 126 и 286 УК РФ:

Первый вопрос, который возникает по данному эпизоду у любого человека, хоть как-то имеющего отношение к уголовному праву, это теоретический вопрос об избыточности применённой квалификации. То есть, даже если на секунду допустить, что фактические обстоятельства в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого изложены верно – одновременная квалификация этих действий и по ст. 286 и по ст. 126 УК РФ являются очевидно избыточной. Об этом более подробно скажут и (сказали) мои коллеги.

Действуя по примеру стороны обвинения я бы хотел начать с того, а какие фактические обстоятельства по данному эпизоду можно считать доказанными:

1. Факт того, что Новосёлов скрывал значимую для следствия информацию, необходимую для расследования уголовного дела, возбужденного по факту покушения на убийство Сорокина О.В.
2. Факт того, что 27.04.2004г., с утра, Новосёлов был доставлен сотрудниками милиции за черту города Н. Новгорода в Балахнинском направлении. Точное место не установлено.
3. Факт того, что поздним вечером 27 апреля 2004г. у Новосёлова были диагностированы телесные повреждения, объём и характер которых разнятся.

Достаточно ли вышеуказанных бесспорных обстоятельств для квалификации, предложенной стороной обвинения? Определённо нет.

Начать анализ доказательств я хочу с наиболее принципиального обстоятельства, а именно утверждения стороны обвинения, что телесные повреждения Новосёлов получил именно в лесу, куда его доставили сотрудники полиции. Какие объективные достоверные доказательства свидетельствуют об этом? Ответ в контексте настоящего уголовного дела очень предсказуемый – никакие!

Главным и единственным доказательством, положенным в основу этого утверждения являются показания Новосёлова. Сторона обвинения давая оценку этим показаниям, назвала их в целом последовательными, логичными и заслуживающими доверия. Что я могу сказать? Если в понятие последовательность и логичность входят:

- регулярное изменение пояснений относительно объёма совершённых преступных действий;
- регулярное изменение показаний относительно последовательности преступных действий;
- регулярное изменение пояснений относительно собственной реакции на эти преступные действия;

То да, показания Новосёлова можно назвать последовательными и логичными.

Если же руководствоваться более традиционным определением этих понятий, то становится понятно, что показания Новосёлова представляют из себя калейдоскоп деталей, которые Новосёлов от допроса к допросу тасует в произвольном порядке.

Составной и неотъемлемой частью настоящего уголовного дела, являются приобщённые копии материалов уголовного дела по обвинению братьев Диких. Существенную часть данных материалов составляют показания свидетеля Новосёлова.

Действуя в рамках избранной парадигмы, суд отказался исследовать данные материалы. На мой взгляд причины этого вполне очевидны. И они кроются не в юридической плоскости, в соответствии с которой якобы у Новосёлова по другому делу был другой объём прав и обязанностей, и что показания Новосёлова по другому делу, не могут являться доказательствами по настоящему делу. Нет, это лукавство. Данные аргументы не мешали суду, когда это было нужно обвинению, оглашать показания Беспалова из уголовного дела Садекова, а также протокол следственного эксперимента, проведённого со свидетелем Маркеевым в рамках уголовного дела Диких. Причина лежит в другой плоскости — из показаний Новосёлова, которые он давал в 2004 году, то есть когда он объективно лучше помнил произошедшие события, следует, что на одежде и теле потерпевшего должны были образоваться следы, которые объективно отсутствуют на приобщённой к материалам дела видеозаписи оперативного эксперимента.

Такие следы должны были остаться и в соответствии с теми показаниями, которые Новосёлов дал в ходе судебного разбирательства, хотя он и значительно сократил количество своих потерь сознания, падений и кувырканий по апрельской земле по сравнению со своими показаниями от 2004 года.

Однако этих следов, то есть повреждений на лице, голове и кистях рук мы не видим.

Мы также не видим загрязнений на одежде Новосёлова, при том, что колени его голубых джинсов отчётливо на записи видны.

Не видим мы и следов на потолке автомобиля, в который потерпевший Новосёлов якобы упирался в момент его посадки в автомобиль.

Утверждения стороны обвинения об обратном являются... назовём это так, предположениями. Как-то по другому оценить официальные заявления, что колени Новосёлова всё время на видеозаписи скрыты документами, а на верхней губе видна алая кровь, я не могу. Думаю, эти высказывания носят показательный характер и иллюстрируют степень объективности государственного обвинения.

Итак, мы пришли к тому, что ещё одним бесспорным фактом является то обстоятельство, что якобы совершённые в отношении Новосёлова преступные действия должны были оставить видимые на видеозаписи следы, но таковых следов не имеется.

Двигаемся дальше. Новосёлова привезли в ГУВД по Нижегородской области, где у него в присутствии большого количества сотрудников полиции состоялся разговор с Ворониным Е.Е. Обращаю Ваше внимание, что все эти сотрудники: Мольков В.В., Сгибнев О.А., Авдеев допрошены, и они подтверждают, что Новосёлов действительно высказывал жалобы на то, что его похитили и избили. То есть оснований утверждать, что данные сотрудники имеют умысел покрывать подсудимых не имеется. Более того ряд из них прямо говорят о своём не очень хорошем отношении к подсудимому Воронину. Однако все они утверждают, что опять-таки не видели ни на одежде Новосёлова, ни на его теле каких-либо телесных повреждений. То есть снова, если верить Новосёлову, то должны быть следы, а их нет.

Они появляются только в обители Михаила Дикина, куда Новосёлова привозят после здания полиции. Там деловые партнёры Дикина впервые подтверждают наличие у Новосёлова каких-либо следов.

Отвлекусь, я не зря упомянул фамилию Дикина. От государственного обвинителя прозвучал интересный пассаж — то что человек на протяжении 15 лет упорно настаивал на том, что его избili, определённо означает, что он говорит правду. Обращаю ваше внимание, что на протяжении этих 15 лет Новосёлов также утверждает о невинности братьев Дикиных, и о том, что он их ранее оговорил. Однако приговор в отношении братьев Дикиных вступил в законную силу, и они даже отбыли своё наказание. Кроме того вступил в законную силу и приговор за заведомо ложные показания в отношении Новосёлова, а он по-прежнему, даже в настоящем судебном заседании, даже в прениях, продолжает утверждать, что оговорил братьев Дикиных. Вот и получается, что «хвалёная настойчивость» Новосёлова направлена прежде всего на оправдание лиц, организовавших покушение на убийство, и может свидетельствовать лишь об одном — о согласованности позиции так называемого потерпевшего Новосёлова и Михаила Дикина, чьё отношение к подсудимому Сорокину давно всем известно.

Итак вернёмся к деловым партнёрам Дикина, которые якобы видели телесные повреждения у Новосёлова и слышали его историю. Показания данных свидетелей: Зельдина, Чернышёва и Захарова, как в части содержания рассказов Новосёлова, так и в части локализации телесных повреждений и даже в части места их разговора весьма и весьма- противоречивы.

Таким образом, я делаю обоснованный вывод, что причинение Новосёлову телесных повреждений именно в лесу, равно как и применение к нему там насилия, в ходе судебного разбирательства доказано не было. То есть совершение в отношении Новосёлова каких-либо преступных действий в тот единственный момент, когда рядом с ним находился Сорокин О.В., своего подтверждения не нашло.

Таким образом получается, что вывод о преступности действий Сорокина О.В. сторона обвинения пытается делать на основании предположительного вывода о незаконности помещения Новосёлова в автомобиль на пл. Свободы.

Думаю уместно в данном случае процитировать слова государственного обвинения: «Ну это вообще переходит все границы!». Сорокин О.В. при данных действиях не присутствовал, требования закона о милиции и подзаконных актов не знал и самое главное не должен был знать, а исходя из динамики его взаимодействия с правоохранительными органами, напротив, объективно имел

возможность считать действия сотрудников милиции по доставлению Новосёлова в лес полностью соответствующими действительности.

Вот и получается, что по факту единственное, что указывает на Сорокина, как на лицо, совершившее данные преступления, это показания подручного несостоявшегося убийцы, которые естественно не могут быть положены в основу приговора.

На основании изложенного прихожу к выводу, что вина Сорокина О.В. не по одному из пунктов предъявленного обвинения не нашла подтверждения в ходе судебного разбирательства, в связи с чем прошу по делу вынести оправдательный приговор и отказать в удовлетворении исковых требований Новосёлова.